Лев Любченко

АБХАЗЫ, АБХАЗЫ ВЫ ПРАВЫ...

ГАГРА — 1993

ЛЕВ ЛЮБЧЕНКО

Абхазы, абхазы вы правы...

СТИХИ

Гагра 1993

Сборник стихов Льва Любченко
издан по заказу ассоциации
«Интеллигенция Абхазии».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лев Любченко поэт со стажем, его первые стихи были опубликованы в периодической печати еще в 1956 году, а в 1960 году вышел первый сборник «Люди и море». Несколько лет спустя в издательстве «Алашара» выходит в свет второй сборник поэта «Дорога в хороший день», в который вошли неопубликованные стихи и поэмы разных лет. Центральное место занимали в нем поэмы «Суд времени» и «Дорога в хороший день». И, как всегда, поэзия Льва Любченко затрагивала сложные вопросы человеческих взаимоотношений и была направлена против идеалов и принципов, чуждых нашему обществу.

Трагические события августа 1992 года в Абхазии коренным образом изменили творческую направленность поэта. С первых же дней войны он занял четкую гражданскую позицию — они выражены в его стихах. Работал военным корреспондентом, а затем старшим редактором радио Республики Абхазия, близко познакомился с «нашим Левой», как его любовно называют в кругу близких друзей. Почти каждый день Любченко приходил на радио и приносил новые стихи, и они звучали в эфире. Их слушали и записывали в оккупированном Сухуме, блокадном Ткварчале, на передовых позициях Гумисты и Лабра... На многие его стихи написаны композиторами песни, которые часто звучали в перерыве между боями. За сравнительно короткое время Лев Любченко по праву стал одним из самых популярных поэтов Абхазии. По единодушному мнению жюри ему в августе текущего года присвоено звание Лауреата премии «Летопись войны», учрежденный ассоциацией «Интеллигенция Абхазии».

В скромном доме поэта, расположенном у самого моря в Гудаутах, как всегда много друзей, которых всегда радушно встречает хозяин. Вместе с тем он много и плодотворно работает, и мы, почитатели его самобытного таланта, надеемся, что Лев Любченко еще не раз обрадует нас своими запоминающимися стихами, которые столь необходимы людям в наше сложное и тревожное время.

О. ШАМБА.

АБХАЗСКИМ ВОИНАМ

Абхазы, абхазы, вас мало, —
Неравный, не праведный бой!
Но танк не страшнее кинжала,
Когда твои братья с тобой.

Суровы не бритые лица,
Зеленая лента на лбу,
Таков он сегодняшний рыцарь,
Решающий нашу судьбу.

Абхазы, абхазы, вы правы:
Не вы начинали войну,
Не вы ради кресла и славы,
Вторгались в чужую страну.

Не вы по себе шили шубы,
Из мертвых фашистских идей,
Не вы брали деньги за трупы,
Расстреляных вами людей.

Я с вами, я с вами, ребята!
Стрелять не могу, так пою!
Хоть старый, хромой и горбатый,
Прошу меня числить в строю!

Абхазы, абхазы, абхазы!
Свободолюбивый народ!
Во славу седого Кавказа,
Вперед, мои братья, вперед!

ЛИЦО СВОБОДЫ

Сверканье солярного знака,
Летящий стремительно конь,
Зеленые полосы флага,
Открытая миру ладонь.

Храните, абхазы, храните,
Символику ваших отцов,
Но пуще всего берегите,
Свободы святое лицо!

Все будет: и счастье и разум,
И песня, и радостный труд;
Но пусть пуще глаза абхазы,
Свободу свою берегут.

Свобода вернет махаджира,
Забудется наша беда,
В стране поумневшего мира
Не будет войны никогда.

Друзей по-абхазски зовите;
Да будет веселым ваш дом.
Врагов по-кавказски гоните,
Чтоб к вам не ходили с мечом.

Хоть малой, но вольною птицей,
Взлететь над горами должна,
Красивой и чистой как Рица,
Должна быть родная страна.

Сверканье солярного знака,
Летящий стремительно конь,
Зеленые полосы флага,
Открытая миру ладонь.

ВЕРЬ В ПОБЕДУ

Верь в победу, абхаз,
И победа придет,
И наступит тот час,
Когда все расцветет.

Но для этого ты,
Должен сам не плошать
Без дурной суеты,
Воевать и дышать.

Должен драться с врагом,
Как не дрался досель,
За очаг свой, за дом,
За свою колыбель.

Должен верить и знать,
Что победа придет,
Будет праздник справлять
Твой свободный народ.

Будут песни звучать,
Будет литься вино,
Будут люди качать,
Приусталых сынов.

А теперь, а сейчас,
Кровь стирая и пот,
Верь в победу, абхаз!
И победа придет!

Закурим табачку абхазского,
И о войне поговорим.
Война труда, война не ласкова
Ко всем, к своим или к чужим.

Приносит смерть и разрушение,
Приносит голод и нужду.
С любой разумной точки зрения,
Она похожа на беду.

Хотелось ли нам стать солдатами?
Кому-то нет, кому-то да.
Кто не «усек», что за парадами,
Вот эта самая беда.

Кто создал обстановку нервную,
Повел нечистую игру,
А после бросил бомбу первую,
На мирный город поутру.

Хоть пожелаешь, не простишь ему,
Вообще такого не простить.
Судить не нам его — Всевышнему,
И поколениям судить.

ГУДАУТА.

Гудаута, Гудаута,
Мой зеленый городок,
Час настал, пришла минута,
Защищать и твой порог.

Те же горы, море, небо,
Та же башня и часы,
Та же очередь за хлебом,
Все как было до грозы.

Только что-то раскололось,
Стал серьезен он и строг,
Потерял свою веселость,
Мой зеленый городок.

Стал он гневным и упорным,
Ждущим с фронта новостей.
Много стало женщин в черном —
Мало маленьких детей.

Жил я рядом с детским садом,
Щебетала ребятня.
А теперь тут за оградой,
Пулеметная возня.

И такой смешной картины,
Малым детям не понять —
Бородатые мужчины,
В школе учатся стрелять.

Центр, раньше здесь парады.
Эх, не жизнь была, а рай.
А теперь тут баррикады —
Только место выбирай.

Для себя я выбрал сразу:
Здесь могилы, здесь мой дом.
Длинной жизни поздний разум,
Связан с этим городком.

Здесь без паники, без крика,
Будем верить, будем жить.
Нет теперь страны великой —
Будем малую любить!

Город в роли командира,
Стал велик, хотя и мал.
Раз на все экраны мира,
Нежиданно попал.

Гудаута, Гудаута,
Наша «малая» земля,
Не разбита, не согнута,
Счастья нашего заря!

ВОЗЬМИ В ДОРОГУ, СОЛДАТ!

В дорогу войны не близкую,
Ступив с родного крыльца,
Возьми любовь материнскую,
Возьми надежду отца.

И нежность любимой девушки,
И детский влюбленный взгляд,
И мудрость седого дедушки,
Возьми в дорогу, солдат.

Возьми мое вдохновение,
Полегче будет в пути,
А лучшего применения,
Ему вообще не найти.

Надейся на руку дюжую,
На силу ума своего,
А лишнего, кроме оружия,
Не надо брать ничего.

Когда боец — защитник справедливости
Держа в руке казенный автомат,
Пытается из дома «шмотки» вынести,
Он мародер! Не воин! Не солдат!

Конечно, он придумал оправдание:
Тащили все, а я не хуже всех,
Но кража в час всеобщего страдания -
Великий грех! Незамолимый грех!

На совесть он взвалил такую груду,
С которой ни вперед и ни назад!
Его ни Бог, ни люди не забудут,
Его ни Бог, ни люди не простят!

ДЕВУШКАМ ИЗ ТУРЦИИ

Никогда я не был на Босфоре.
Лишь стихи мне нравились о нем.
Но абхазок переплывших море,
Увидал я в городе своем.

Хороши отважные девчата,
Из соседней солнечной земли.
Может, нашим молодым солдатам,
На успех надежду принесли?

«ОДИН СОВСЕМ ОДИН...»

В дружбу старую верить надо,
Эта дружба не на словах:
За Абхазию бьются рядом,
Грек, чеченец, лихой казак.

И пускай в этой грозной были,
Тихо спросит себя грузин:
«Почему меня не взлюбили?
Почему я в бою один?»

Под холодным дождем в окопах,
Нашим парням не до речей,
Сапоги в грязевых оковах,
По спине холодный ручей.

Пострелять бы, чтобы согреться,
Перемирие — не велят.
И от неба некуда деться,
И от злобы зубы скрипят.

Ладно, выдержим все на свете,
Весь напор огня и воды,
Для того, чтобы нашим детям,
Не увидеть такой беды.

Ведь пришли сюда не за славою,
А за тем, чтобы мирно жить.
Потому наше дело правое,
Потому должны победить.

ЗАБЫТЫЙ СОЛДАТ

Лежит кахетинский крестьянин,
Сжимая в руке автомат.
На поле неистовой брани,
Убитый, забытый солдат.

Не знает он — может быть скоро
Слетится сюда воронье,
И дружно возмется, и споро,
За черное дело свое.

Мне жаль его, этого хлопца,
Поверьте, мне искренне жаль.
Зачем и за что он бороться,
Пошел в эту горную даль?

Пошел ради чьих-то амбиций,
Причалил к чужим берегам
И стал хладнокровным убийцей,
Поймавши на мушку врага.

Простого абхазского парня,
За то он решился убить,
Что тот пожелал с ним на равных,
Спокойно на Родине жить.

И это в двадцатом-то веке,
Не утром, а в самом конце,
Такая беда в человеке,
Такая вражда на лице.

Вчера это было, а нынче,
Все держит он свой автомат,
А птицы голодные кличут,
Друг друга и к трупу летят.

ОЛЕГУ ЧАНБА

Прочел стихи твои — летчик,
Написанные с душой,
Понравились мне и очень,
Сердечною высотой.

Когда военное горе,
Опутало городок,
По компасу, через горы,
Ты шел, не зная дорог.

Пришел и поднял машину,
Как птицу до облаков,
Что было несокрушимо,
Сразилось просто, легко.

А ты делал «петли», «бочки»,
Как старый азартный асс.
Громил огневые точки,
А сам-то себя не спас.

Поэты гибнут героями!..
Плодится всякая шваль,
Полощет души помоями,
Подохнет и то не жаль.

Пропитанные наркозом,
Глядят точно волки в лес.
Куда им, рожденным ползать,
До ясных твоих небес.

Но если все повторяют,
Так значит и правда тут,
«Герои не умирают,
Герои вечно живут».

ХИЧХОМА

За окнами полночь с январскою стылью,
Солдат! С Новым годом, по старому стилю
Абхазы его называют «Хичхома»,
И это, пожалуй, нам больше знакомо.
А что моему поколенью досталось? —
Военное детство — военная старость.
Была серединка — спокойненько жили,
Но самого главного — мир не ценили.
Пошли переделки, пошли перестройки,
За эти проделки, плати неустойки.
Народ их и платит великой ценою:
Сперва обнищаньем, а нынче войною.
Ни Сталина нет, ни Гитлера нет,
А тени их бродят по белому свету.
И мы свою сказку не сделали былью,
Давай по-абхазски-по старому стилю.

ДВЕ ПОТЕРИ

Война — это две потери,
Одна — человека жаль,
Другая, я в том уверен,
С войною гибнет мораль.

Одни становятся выше,
Другие наоборот.
Мельчают: «Война все спишет,
А мне бы набить живот».

Патрон и коробка спичек,
Сегодня в одной цене,
И ничего не попишешь,
— Все дорого на войне.

А есть дураки нетертые,
Попался им автомат,
Строчат по ночам пятерками, —
На ветер деньги летят.

А где-то под Очамчира,
А может на Гумисте.
Кому-то и не хватило,
Патрона того в беде.

МИРАЖ

Я видел редкое зрелище,
Вот в это свое окно.
Я видел Сухум теперешний,
Невиданный мной давно.

Чуть ниже черты окаема,
Высотный, жилой, живой.
Я видел город знакомый,
Какой-то до боли свой.

Я был моряком, я знаю,
Что это только мираж.
Природная шутка злая,
Туманного дня кураж.

Всего минуты четыре,
А может быть целых пять,
В ожившем морском эфире
Я мог его наблюдать.

Вот тут был маяк — окраина,
Знакомые мне края...
Потом это все расстаяло,
Ушло как юность моя.

Потом растворился город
В молочно-белой пыли.
Остались лишь только горы,
Потом и они ушли.

И стало мне грустно-грустно
Какой жестокий мираж!
Пришло щемящее чувство —
Сегодня чужой, не наш.

Сухум за линией фронта,
За речкой — за Гумистой.
За линией горизонта,
Разграбленный и пустой.

Еще из плена не вызволен
Еще там греметь войне.
Предстал он как в телевизор,
Наверно, не только мне.

А может такими знаками
Из мира, где души ждут,
Тела детей неоплаканных,
Отцов и друзей зовут.

Где-то, будто за околицей,
Пушки бьют, гремит война:
То земля от взрыва колется,
То пугает тишина —

Вот идут ребята — рыцари,
Смельчаки и крепыши,
А в глазах блестит зарницами,
Боевой настрой души.

Скольких их недосчитаемся,
В день победы за столом,
Вспомним, слез не постесняемся,
Если сами доживем.

Если голодом и газами,
Не удушат нас враги,
Буду пить вино с абхазами,
У Гумисты, у реки!

ПРОСТЯТ ЛИ ЛЮДИ?

Кто роль какую играет,
Сегодня, давай, рассудим
Война. Войну начинают,
Весьма культурные люди

Народ виноград сажает,
Готовит одежду, пищу,
А эти пишут, читают,
Земных идеалов ищут.

А жизни ставят на карту,
И мыслят, всего скорей,
Мозгами владык Урарту,
Древнейших своих царей.

И пафос войны тогдашний,
Хранят они до сих пор,
Под сводами сванской башни,
Как ржавый меч и топор,

[illegible]али бы Руставели,
[illegible]али б его портрет.
[illegible]ечно бы поумнели,
[illegible]я гарантии нет.

Они и из этой книги,
Нарежут таких плетей,
Что станет поэт великий,
Поборником их идей.

[illegible] лишь того не поймут они,
[illegible]рней, не хотят понять,
[illegible]кими крепкими путами
[illegible]бя решили связать.

Сожги, уничтожь архивы,
Сравняй с землей города,
А люди-то будут живы,
Простят они? Никогда!

ТКУАРЧАЛ

Обед наш не то, чтоб очень,
[illegible]дим мы не так, как Ельцин,
Вздыхая жена бормочет,
А как там наши ткуарчальцы?...

Ткуарчал, как по сердцу молот!
Войною загнанный в угол,
Холодный, голодный город,
А ночью, темный как уголь.

Т. П. Шьак...

У нас полбуханки хлеба,
Из доброй русской пшеницы.
А там к ним приходит с неба,
Всего по сто граммов мучицы.

И дров уже нет ни палочки.
Готовят еду на сучьях,
И бабушкам плещут в баночки,
Гуманитарный супчик.

А как там наши ребята?
Ведь даже не знаем живы ли.
Хватило бы автоматов —
Они с шахтерскими жилами.

Летели голодные дети,
И матери вместе с ними.
А в небе их враг заметил
Своими глазами злыми.

Нашелся «герой», у которого
Душенька, как пятачок.
Рука у него не дрогнула,
Нажать спусковой крючок.

Мы старого не забылии
По почерку их узнали;
Вот так болтовня о мире —
Автобус с детьми в Цхинвали.

Какое кощунство — Боже?!
Чем мерищь ты их вину?..
Преступник один и тот же,
Кто начал эту войну.

Эх вы Господа хорошие,
Крещеные коммунисты!
Продали души за дешево,
Вступили в сделку с нечистым.

За этот поступок зверски
Пади на вас гром с неб
А на земле «Нюрнбергски
Над вами нужен процесс

Старушка в очереди хвасталась:
«Могу и стряпать и стирать,
А главное умею ласковость
Детишкам малым передать.

Как ни крути, за это главное!
Сейчас, когда война идет
И за едой гуманитарною,
Стоит озлобленный народ.

А детки?.. Детки наше зеркало...
Глядим в него — не молодит.
Но если там не разглядел чего —
Ребенок сразу разглядит.

И будет делать то, что взрослые,
И заявляет: «Я большой!»
А взрослые теперь нервозные,
Ругаются, кривят душой.

Вот почему забот побольше мне,
Семья детишки — все на мне,
При нынешней-то безотцовщине,
Бабуля тоже на войне!».

ХЛЕБ.

Не думать о хлебе насущном,
Не может живой человек.
Поэтому голод присущ нам,
А сытное блюдо не грех.

Поэты не ангелы тоже.
У них есть желудочный сок.
И в сутки должны уничтожить
Большой или малый кусок.

А вот написать стесняются,
О главном, о хлебе они.
Неловко. не полагается.
Об этом и в наши дни.

А я без стесненья и спора,
Пишу свою оду из од,
Про наш замечательный город.
Про старенький хлебозавод.

Там пекари — белые призраки
Годами не спят по ночам,
Чтоб каждый, кто только побли
Буханку свою получал.

И местные люди и беженц
— Их тысячи, тысячи тут;
И сельские тоже не ленятс
За хлебом пораньше встают.

А главное люди с оружием
Которых не счесть, не учес
Но, хочешь не хочешь, а нужн
Нечерствого хлеба поесть.

Хоть спорить о вкусах нелепо,
Готов на пари я идти.
Вкусней гудаутского хлеба,
Нигде на земле не найти.

Все пекари — славные парни,
Что с нами, что рядом живут.
Традиции старой пекарни,
Для наших детей берегут.

Лишь дважды за многие годы,
Здесь двигатель жизни заглох,
Когда над трубою завода,
Не взвился желанный дымок.

Один раз — законы превысив,
Грузинская местная знать,
Наш хлеб отправляла в Тбилиси,
На нас-то им было плевать.

Угрюмые люди стояли,
Толпой у железных ворот.
Нелепый вопрос задавали:
«Ну как это так, не печет?».

Другой раз военные клещи
Зажали наш город в тиски,
А море бушует и хлещет.
И нету пути для муки.

Потом прилетели «Антеи»,
Потом из-за гор вертолет,
И дело пошло веселее,
Опять заработал завод.

С тех пор мы выходим из дома,
Едва над горами рассвет,
И дружно дыму заводскому,
В душе посылаем привет.

Он нам вроде близкого друга —
Клубится несчастьям назло.
Пускай с экологией туго,
На сердце светло и тепло.

АЛЕКСАНДРУ БОРДАДЫНУ ПОСВЯЩАЮ.

По разному жизнь кончаем мы..
Жестоким свинцом сражен,
Поэт из Москвы отчаянный,
Лежит под горой Афон.

Он очень любил Абхазию,
В стихах ее воспевал.
Красивую, ясноглазую,
Святую, как он считал.

Когда прогремел над пляжами,
Лишь первый грома раскат,
В минуту самую важную,
Парнишка взял автомат.

Судьба не велела юноше,
Дожить до своих седин.
Но скажет любой, подумавши:
«Вот это был гражданин!».

Парнишка нам взрослым лекцию,
О мужестве прочитал.
Так Байрон умер за Грецию,
Дорогой на пьедестал.

Жилье по разному строится,
Для наших сердец и тел.
Душа его там покоится,
Где сам он того хотел.

ТКВАРЧЕЛЬСКИЙ ПЕТУХ.

Все было в холоде, в голоде,
От голода кто-то пух.
Но выжил в блокадном городе
Один счастливый петух.

Звучит по ущелью эхом,
Как будто бы служит музам,
Привычное: «Кукуреку!»,
А слышится; «Кукурузу!».

Хозяйка ему без выхода,
Из теплой своей постели:
«Питайся червями! Выродок!
Давно кукурузу съели!»

А он: — «Моя территория!
Пришельцы долой! — Домой!
За эти мой предгория,
Никто ни шагу ногой!»

И город весь просыпается,
Встают удальцы — шахтеры.
И сдержанно улыбаются:
«Петух-то у нас веселый!».

Им снова драться охота,
За дом, еду и одежду,
А глас певца — патриота,
Вселяет в сердца надежду.

ЗАТИШЬЕ

Спокойное море, поющие птицы,
Как будто бы мир на земле,
Как будто война — это только зарницы
А гром не гремел на заре.

Природа устала от бурь и ненастья,
Послала затишья чуток.
Усталый солдат почитает за счастье,
Такой вот спокойный денек.

Не знаю, какому такому уроду —
Ну как его больше назвать? —
Придумалось вторгнуться в эту природу,
И людям войну навязать.

В победу не только верь,
Другого верить учи
И знай, что победа в дверь,
Лентяю не постучит.

Победа есть труд любой,
Не подвиг в пьяном пылу,
Неважно, идешь ли в бой
Работаешь ли в тылу.

А труд, кропотливый труд
И пот, не последний пот,
К победе нас приведут,
И праздник еще придет.

Быть грозе... Очень тихо — тяжко.
Лист зеленый не шелохнет,
В кипарисе малая пташка,
Через силу как-то поет.

Все замешкалось в ожидании,
Все боится и ждет грозы.
Дождь пройдет по садам и зданиям,
Шелестящим вихрем косым.

От Сухума до Гудауты,
Тучка мчится за полчаса.
Так иди сию же минуту,
Помоги нам в бою, гроза!

Наша злоба не от порока,
От любви к Отчизне идет.
Вот и просим Илью — Пророка:
Помоги — разбуди народ!

Сделай, милый, артподготовку,
Чтоб под яростный гром и шум,
Наши парни в пестрых штормовках,
Поскорее вошли в Сухум!

МЫ ТАК УЖЕ УСТАЛИ ОТ НАСИЛИЯ...

Грохочет за Афоном артиллерия;
То пушки бьют, то установки «град».
Земля, как руки пьяницы с похмелья,
Дрожит, и в окнах стекла дребезжат.

Пора бы, говорят, привыкнуть к этому,
Стараюсь я, хочу, но не могу.
Тебя я вижу средь огня ракетного,
На правом гумистинском берегу.

И друга, и соседа, и товарища.
И парня с бородой из Кабарды.
На фоне неуемного пожарища.
На фоне разрушительной беды.

Стоит наш поезд на пустом перрон'.
Война к родному дому подошла,
Мы каждый день кого-нибудь хороним.
Стреляем, не звоним в колокола.

Мы так уже устали от насилий.
Здесь каждый житель воин и солдат,
Но почему же там, в Москве, в России,
Не поняли кто прав, кто виноват.

Быть может и не плохо, что правители,
О пареньках заботятся в Кремле,
Но в ту войну шесть тысяч наших жителей,
Погибли там, на неродной земле.

ОПУСТЕВШИЙ ДОМ.

Угрюмо на окраине,
Добротный дом стоит —
Но нету в нем хозяина,
В конце зимы убит.

Семья гнездо родимое,
Покинула, ушла,
Одно необходимое,
С собою унесла.

И двор, и сад запущены,
Повсюду из земли,
Бурьяны вездесущие,
Обильно проросли.

А солнце поднимается,
Все выше не спеша
Деревья просыпаются —
Как-будто в них душа.

Весенним ветром взбодренный,
Вздыхает бедный сад.
Я — с горечью особенной,
Гляжу на виноград.

И вижу я изъянину —
Слеза, слеза, слеза...
Так плачет по хозяину,
Весенняя лоза.

Но нет и нет хозяина,
Пусты его глаза,
Осталась неприкаянной,
Печальная лоза.

Не плачь... Война-уродина,
Когда-нибудь пройдет.
Хозяин пал за Родину,
А дом его живет.

ВСТРЕЧА С «ДЕМОКРАТОМ».

Самолет, как черная камета —
Страшная звезда с хвостом из дыма,
Появился на Востоке где-то,
Приближался слышимо и зримо.

Ближе — ближе и уже над нами,
Вдруг щелчек неслышанный доселе,
И ракеты черными стрижами,
Рядом полетели — засвистели.

Самолет куда-то вбок и выше,
Я стою и жду как — будто вкопанный.
Голоса на волнорезе слышу:
Почему же нету взрыва — грохота?

Только так подумал, как шарахнуло!..
Боль в ушах почуял барабанными,
Вся земля и вздрогнула, и ахнула,
И осколки по воде фонтанами.

Посмотрел наверх — хотя без стекол,
Выстояла наша «коммуналка».
Локон дыма — страшный черный локон,
Вьется где-то за аллей парка.

Женщина какая-то в истерике,
Бегает — смешные рожи строит,
Кроет от Европы до Америки,
Всех и вся на пропалую кроет.

А потом я видел разрушения,
Раненых машины увозили.
Тихий городок от потрясения,
Был никак справиться не в силе.

Сбросит он оцепененье нервное,
Станет вновь не клятым и не мятым,
Но запомнит эту встречу первую,
С «истинным грузинским демократом»

Это я пишу, а не цитирую,
Жизнь дала поэтам в руки карту,
Я лишь только факты комментирую,
Жалко только — горестные факты

ДЕЗЕРТИР

Ты веришь — верь! Без веры трудно,
Но помни об одном, дружок:
Ничто на свете так не блудно,
Как верой прикрывать порок.

Тому свидетельство я знаю...
Представьте, молодой солдат,
Свою Отчизну защищая,
Взял в руки грозный автомат.

Пришел на фронт, а фронт — не свадьба,
Ни мамалыги, ни вина,
Одна забота — не пропасть бы,
И роковая цель одна:

Убить того, кто тоже целит,
В тебя, в твой дом, в твою семью,
Не на словах — на самом деле,
В открытом, яростном бою.

А бой? И кровь, и дым, и грохот,
И слева смерть, и справа смерть...
Парнишка видит: дело плохо,
Подумал, как не умереть?

И вот во время передышки
Он автомат оставил свой.
И тут же повезло мальчишке —
Ушел невидимым домой.

Неделю прятался, как крыса:
Но это тоже не житье.
И вспомнил: есть «иноговисты» —
— Им брать невелено ружье.

И стал кричать: «Я верю в Бога!»
И стал ходить в молельный дом.
А Бог на тех взирает строго,
Кто не с молитвой, а с грехом.

И ниспослал он в тихий вечер,
Ему (что может быть страшней?),
Весьма не плановую встречу
Со взводом боевых друзей.

Сказал в глаза ему сурово,
Его бывалый командир:
«Ты не свидетель Иеговы
Ты просто трус и дезертир!»

Стрелять не жаль такого гада!
Ты предал нас в такие дни!
Не хочешь убивать — не надо,
Иди и мертвых хорони!

Какое мерзкое кощунство?!
Ну что подлее может быть?!
Чтоб трусость, гаденькое чувство,
Господним именем прикрыть!

Не нам судить его, ребята!
Их Трибунал — есть Трибунал!
Для нас его решенье свято..
Смотрите, чтоб не убежал!»

Эй, кацо, пахать пора!
Брось ружье — иди на поле!
От войны не жди добра,
От нее одно лишь горе.

Ну а ненависть и месть —
Злом отравленные корни.
Их зимой не будешь есть,
И детишек не накормишь.

Брось стрелять! Давай пахать!
— Дело вернос, простое,
Без осечки, без греха
А всего дороже стоит.

АДЖИКА

В стране моей невеликой,
Ничтожно малой на взгляд,
Изобрели аджику,
Теперь ее все едят.

Приправа — ну просто прелесть:
В России там говорят
Что чувствуют только перец,
А мы еще — аромат.

Букет из целебных травок
И мы, съедая обед,
Наводим тысячу справок:
Какой у кого букет?

У каждой хозяйки дома,
Рецепт на аджику свой
Знакомый ли — незнакомый,
Сложнейший, или простой.

А в общем—то процедуры,
Мы можем за честь почесть,
В копилке людской культуры
Абхазская лепта есть!

Сегодня десять месяцев,
С начала грабежа,
И в маленькой уместится
«Стране души» — душа.
Большая, неподкупная,
Святая — может быть,
Раз вражьи силы крупные
Смогла остановить.
За триста дней и с хвостиком,
Дошел наш лютый враг,
На Гумисте до мостика,
А дальше ни на шаг.

Война нашу пищу слопала,
Опали наши бока,
И вспомнил Федя Микропуло,
Профессию рыбака.

Достал забытые сети,
Подштопал и подлотал,
Баркас едва ни столетний,
Поправил, прошпаклевал.

Собрал потихоньку Федя
Бригаду славных ребят,
И нынче бойцы — соседи,
Уху по утрам едят.

Сегодня кругом стреляют,
Бомбежка и пушки бьют,
И люди все потребляют,
А эти что-то дают.

ПАМЯТИ ГЕНЫ.

Я его так и не видел взрослым,
От того тоска еще сильней,
На полянке ножницами просто,
Я ему вырезал коней.

Будто солнца несказанный зайчик —
Он остался у меня в глазах...
Тихий, улыбающийся мальчик,
С яблоками красными в руках.

Говорят: «Прошел огонь и Шрому,
Был с десантом в городе чужом,
Ну а жизнь над ним закрыла штору,
Прямо на пороге на родном.

Потому и тяжелей утрата,
Потому и скорбь еще сильней...
В образе ребенка, не солдата,
Он остался в памяти моей.

ЗА НАШЕ ОТЕЧЕСТВО

За нашу Родину,
На смертный бой,
Идти сегодня нам,
Солдат, с тобой.

Повыше голову!
Зажми в кулак,
Печать тяжелую,
Ненужный страх.

Держи оружие,
Вперед штыком,
И больше мужества,
В бою с врагом.

Не завоевывать,
Не воровать,
А землю кровную,
Нам защищать.

Мы клятвой скованы,
Наш подвиг свят,
Цивилизованной,
Страны солдат.

Держи оружие,
Вперед штыком,
И больше мужества,
В бою с врагом.

Не падайте духом, ребята!
Держите равненье в строю!
Тяжелая слишком утрата
В недавнем неравном бою,
Свалилась на головы ваши,
Но помните Вы мужики!
И души у вас не из каши.
Пусть знают об этом враги,
Не верьте паническим слухам,
Откуда б они не ползли.
Народы лишь сильные духом
Достойны красивой земли.
Не верьте тому, кто вам скажет:
Игра, мол, не стоила свеч.
Народы и малые даже,
Должны свое имя беречь;
Пояростней будут атаки.
И жизнь унесут не одну
А те, кто еще не вояки,
Героями кончат войну.

ПОБЕДА

Победа радость — и
тяжесть утраты..
С победой, ребята! С победой,
солдаты!
И мужество ваше, и сожженья,
милость.
Решили, на чьей стороне
справедливость.
Вас мало, но Родину
вы отстояли
Их много.. Они не ушли —
убежали.
Да, тяжесть утраты ничто
не развеет
И памятник нам сыновей
не заменит.
Но вечная память, всесильная
память
Для внуков и правнуков
символом стане-

Сборник набран и отпечатан
в Гагрской типографии.

Заказ № 978

Наш адрес:
г. Гагра, улица Морская, 6.